

Лёгкий и деревянный кот

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»

УЛАН-УДЭ • 2014

УДК 89
ББК 84 (2Рос=Буря)
А 998

16+

Аюшеев, Б.Л.

А 998 Лёгкий и деревянный кот. / Б.Л. Аюшеев. — Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография». — 2014. — 64 с.

В книгу «Лёгкий и деревянный кот» вошли стихи разных лет. Многие из них были опубликованы ранее в коллективных сборниках и литературных журналах.

ISBN 978-5-91407-125-4

УДК 89
ББК 84(2Рос=Буря)

Третья ферма

1994–2005

* * *

Доят коров и поют
словно во сне золотом.
Всем молоко раздают
и засыпают потом.

Здесь голодать не к лицу,
каждый одет и обут,
и на закланье овцу
в грубой тележке везут.

* * *

Сплю — в небе братья Люмьер
соревнуются с братьями Райт.
— Как жизнь? — говорю.
Отвечают: — Ол райт!
Хорошо им в небе,
мне бы так,
а на земле — свободные места.

Стрекотание проектора
на сеансе Луны.
Кто-то делает шопинг,
подтягивает штаны.
Но я перелягу на другой бок,
словно спящий в горе Бог.

Куда денешься от тяжести век,
ведь ты не яблоко, а человек.
О чём сплю я? — О той стороне реки,
где люди братья, а не братки.

* * *

Корова запуталась в проволоке, исхудала,
третий день лежит рядом с ветвистой
ивой, обнесённой оградкой, побелка
вся обсыпалась, доски изнутри подпёрты,
очень грубо сколочена сверху будка,
и белеет на острие полумесяца.

Через реку напротив татарский поселок,
тополя от ветра бледнеют, дорога
меж домами пылит, если кто проедет,
но такое случается редко, картошка
отцветает, и волны ходят по верху,
пригибая ботву, и людей не видно.

Лишь траву в огороде полет старуха,
наклоняясь низко, над нею летают
мотыльки. Вот разогнулась и смотрит
против солнца за речку из-под ладони,
не поймёт, зачем с безымянной могилы
так отчаянно ветками машет ива.

* * *

Бригадир Володя,
чавгашка* Коля
пополам жили.
В поле — живность.
Только на безлюдье
клюёт воля
и на безденежье —
неизбывность.

И не скажешь о вас
в стране дури,
что третий — лишний,
один — не воин.
Где вы теперь,
сиротки бури?
С кем вы теперь,
когда не двое,

когда не сеете,
не жнёте,
и в руках
не лом и лопата —
так камешек
поёт о жеоде,
в которой родился
когда-то.

* *чавганца* — (бур.) старая женщина, отошедшая от мирских дел.

* * *

Между библиофикой и школой
последний орфик
ищет лазейку во времени,
хочет сбежать
от ставшего медным Зенона,
живущего неподалёку,
в сыром гостиничном номере
напротив бассейна с косаткой.

Для этого орфику надо учиться счёту
пифагорейскому и выдавать очевидное –
улицу, дом, водоколонку, собаку,
пьющую из ручейка, – за невероятное.

И сквозь туман, созданный шерстинками пыли,
вдруг пробивается луч холодного света,
орфик видит волнообразный танец
ярко-зелёных ресничек какого-то злака,
внутреннюю поверхность родного мира
и большую надпись Джидаккомбинат.

А потом его окликают соседи:
Коль Колич, Мария Ивановна, Петя,
Долгорма, мрачная Ким, Света,
высохшие тополя, продлённый день...

* * *

С Галею ль Дрель
Оппенгеймер придумал май.
Их бухты-барахты
выведали облака.
Толь содрали ветра,
сквозит сарай.
Дверь не замыкай.
Связь коротка.

Качайся, мыслимое.
Держи пошире карман,
память. Пятками
опята вверх растут.
Может случиться так:
в Буркина-Фасо
лошади нет,
а стремяна поют.

* * *

Роману Чойдонову

Роман о Роме,
 как некогда — о розе,
об игре в прятки
 со смертью самою.
Я верю, что вынырнув
 на том свете,
он плывёт по морю
 в лёгком каноэ.
И солнце маленькое,
 но лучи громадны,
и ведёт его
 не чутьё рыболова,
а детская вера
 в день вчерашний,
наши жалобы
 и нить Ариадны.

* * *

Лето — на хворостины сели
деревенские парнишки,
взяли — и улетели.
Как в роще в тени юбок
мурава учится счёту,
муравьи живут на фреоне,
в муравейниках плюс восемь,
ночью — салют от Лёни*.
Бурятия — ряд поющих,
лебедь на постирушках.
Молодцы в цвас играют,
за рабицей курочки рябы.
Бэшки ревнуют к ашкам.
Взяли — и улетели.
«Не жмись, — говорят, —
раз Гржимек,
пиши про луну Дашиму,
про хор каменных тёток,
жующих живицу».
Я подопру подбородок,
как ночью калитку воры.
Раз — косвенность закатов,
два — холодок фреона,
три — живичная живость.
У зла своя скорость,
у правды свой повод,
и — по воду сорок красавиц
тихонечко идут.

* Леониды — метеоритный поток.

ИЗ «АЛТАН ТОБЧИ»

Сядет обеими лапками
на обломок птица.
Каждое пёрышко к пёрышку,
облика плотный обхват.

Не бессердечный камень,
а золотое сердце.
Каменотёс угрюмый
будет подарку рад.

Только бы вот приурочить
к чему-то простое чудо
обнаружения сердца,
в ком не подозревал.

Бисеринки песчинок,
горбатая тень верблюда
и полновесные горы
складками одеял.

Синего неба отмель,
волоконца тучек,
на большом удаленье
притопленная луна.

Правда ли, что равнина,
шершавая от колючек
и овечьей шерсти,
единственно сну верна?

Может быть совпадения
всего лишь ошибка?
Спи, бородатый всадник.
Мгновение, остановись!

Золотое колёсико
плещется словно рыбка,
и чирикает птица:
чингис, чингис!

* * *

Почему-то под вечер
в поле зрения
попадает гора,
на ней растения,
и в налившейся светом
смоле столетья
рядом люди и звери
и ферма третья...

В стране Lego

2006–2007

* * *

Лёгкий и деревянный кот,
живший до меня в сторожке.
Крыса — крысе:
«Не достучаться до кота».
Может, он в другом времени?
Молчаливый кот.

Приходит бомж,
на бедре — сумка,
на ногах — мокасины,
лёгок, как Чингачгук.

Он смотрит уголком глаза
и спрашивает мирно:
— А где Алексей?
— Уволили.
— Забухал?
— Да.
И бомж исчезает.

Ну что ж, в другом месте
он, может быть, найдёт себе ночлег.

ВСТРЕЧА

Провизор и поэт зашли в кафе,
под искусственными цветами сидят.
Провизор принесла с собой пирожки,
и вот они пьют чай.

«Цветаеву я, пожалуй, не люблю,
потому что с женщинами она».

«Ну и что, — говорит поэт, —
можно хоть кого любить».

Но провизору не Цветаева совсем нужна,
ей нужен голодный поэт.
Она сама пишет стихи
с тех пор, как умер муж.

Она протягивает под столом
поэту пирожок.
«Чего он, — думает, — такой,
может, как Цветаева он?»

К ним официантка подошла,
фартук в руках мнёт.
«Дико извиняюсь, — говорит, —
но вы уж совсем...».

МУХИН ТАКАЯ СОБАЧОНКА

Вокруг ночь... Хабаровск...
Тени желты...
Фонари колышутся,
и не пахнет ничто.
Мухина не стало.
Я смотрю в окно.
Что за растение?
Какой-то цветок
неизвестной трубочки.
В ней спит комар.
Он стар... он стар...

* * *

Город — выдумка землемера.
Амур в островах.
Я иду парком,
и ещё нет листвы.

Женщина — мужчине:
«Гляди-ка, бич.
Пойдём, познакомимся с ним».
Смеётся.

И мне, знаете ли, смешно!

* * *

Геннадия Дорошенко

Мы пришли к поэту в гости.
В светлой комнате на запад
было всё такое, было
всё чуть меньше, чем всегда.

И касаясь преклонной
мамы, встретившей тревожно
нас — уменьшил её возраст
соответственно годам.

Мы там что-то говорили,
спать хотелось, было жарко,
а потом поэта мама
подошла с той стороны.

Слышим — голос через дверку:
«Почему вы не поёте?
Гена, что ж вы замолчали!»
В её восемьдесят с чем-то
лет, смеркающихся лет.

Её голос — слабый, тихий,
но такой, такой — в сравненье
с ним смешными показались
наши важные стихи.

Что поэзия? Уловка!
Только жалкая уловка,
сон какой-то,
сон и бред!

Жизнь больше и страшнее,
и когда, в глаза осмелясь
посмотреть ей, просыпаюсь,
долго, долго просыпаюсь,
страшно, страшно просыпаюсь,
просыпаюсь — мамы нет.

* * *

Лампадки малиновые. Пение.
«Иисус воскрес, смертью смерть поправ».
Сноп золотого сияния от купола, похожего на миску.
«Свечи, свечи!» — шепчет красивый поп на испуганную толпу.
Появляются свечи.
Прямо над головами, очень высоко, лик Деисуса.
Две аккуратные старушки в самом начале ступенек
просят подаяние.
Им подают.
Амур светел. Пасха в Хабаровске.
Впечатления мешают молиться.
Но имея в затылке почтение, поднимаешь очи горе
и опускаешь — долу.
Рука не умеет креститься.
Обезьяна ума подсказывает: «Лоб, пупок, часы, кошелёк».
Невольно улыбаюсь. Грех. Грех.
Священник разоблачается.
Ему подают богатую с красным плетением ризу.
Движения, которыми он касается бородёнки, быстрые и точные.
В голубом от воскурений воздухе появляется ангел Сысоев.
Иисус воскрес!

* * *

Златоустые звёзды
над сопками Маньчжурии.
Уснувшие в Хабаровске
просыпаются в Сиэтле.
В стране Lego
им хорошо.

А мы с тобой, Мамедов, лоханулись,
и хитрые нюшки
в букашках авто
смеются над нашими тапочками,
похожими на урюк.

КОНЦЕРТ

На Дне рыбака
в Сикачи-Аляне
смотрел концерт
с робкими нанайцами.

Войну мышей и лягушек
изображали танцоры,
ступая осторожно
и палочками стуча.

Но почему-то
мышей было много,
а лягушка всего одна —
круглолицая
бабушка Индяка.

Она смешно переваливалась
с боку на бок,
трясла то одной ногой,
то другой.

Ква-а-как! —
щуря хитро глаза,
кряхтела старушка —
Ква-а-как! —
в абсолютной тишине.

Потом смущённо пели
дородные женщины
в гармонических костюмах:
— Ханина, ранина!

А молодые девки
отвечали:
— Ранина, ханина!

— Цивилизация Мохэ, —
сказал мой учёный сосед, —
Цивилизация Мохэ...

ЛЯГУШКА

С денежным деревом
и всё-таки без денег.

Покупаем лягушек,
перевёртываем веник,
ставим в угол,
не свистим.

Всё, что угодно,
только у Бога
ничего не просим,
и вот почему.

Потому что лягушка —
это лягушка.

И как она что-то
себе умеет!
И как она что-то
важное значит!
Вот когда мы свистим от удивления:
Ну и лягушка!
Ну и ну!

Рог яка

2008–2010

* * *

Некту снится друг и дом друга.
Они всходят на крыльцо с ключами.
На друге розовая рубашка, на некте — простая,
то ли в клеточку, то ли в горошек.

Друг держит горшок с горячей пищей,
бобы, бобы и немножко копчёного мяса,
а некто читает в руках как бы книгу,
шевелия губами, как Дональд.
«Кто от утки родился, уткой пребудет»
говорится в книге той и некто
так же дудочкой складывает губы.
Жизнь его — маленькая скрудиана!

Но оглядывается некто — нету друга,
люди входят в дом и выходят,
открывают сумочки, достают монетки
и пускают их в обращение,
словно бобовые растения
семена свои на ветер.

И заходит будто бы наш некто к людям.
Никто некту не отвечает,
сидят неподвижно по креслам,
накрывшись тряпками, спрятавши лица.
«Выход где, говорю», — сердится некто.
Уже хочется ему царапать
твёрдые стенки и мутные окна.
Сверху город — собрание насекомых,
металлических и живородящих.

Появляется ужасный Омен.
Он берет ключи у нашего некта,
связывает его по ручкам и ножкам,
бьёт его под дыхало,
лишает его маленькой жизни,
а взамен дарит великой смертью,
безбрежною, как саванна.

Просыпается некто на вокзале.
Двадцать первый век. Полдень.
«Земляк, — говорит ему прохожий, —
не проспи свою лепездричку».

АЛТАН-БУЛАГ

Вдруг подошли десять чёрных старух
с корзинами за плечами, с лопатками в руках
и стали дружно забрасывать дом Цибикова кизяком.
Потом так же молча удалились.
«Алтанбулагские старухи», — подумал Цибиков,
радуясь, что есть теперь чем растопить печку.
На плите как раз был установлен цветной китайский чайник.
Жена Цибикова и пять его детей
стояли в порядке убывания на коленях перед божницей.
Скоро послышался сухой запах поджигаемого аргала.
Огонь запрыгал, фиолетовый по краям.
Старухи уже отошли на порядочное расстояние
и походили на караван верблюдов.
Ничего им не попадалось.
Будь коровы сознательней,
нарочно бы оставляли на их пути лепёшки.
Цибиков стал курить.
Курил долго и горько.
Мукденские воспоминания его теснили.
Наконец обида стала так невыносима,
что Цибиков достал из коробочки хорошую бумагу
и принялся писать тоненьким пером по-старомонгольски.
«Я, бывший казак Российской империи
Цаган-Усунского караула Дамдин-Дугар Цибиков,
родился в г. Троицкосавск в 1874 году
и был призван на действительную службу
из караула Киран в 1895 году».
Цибиков задумался.
Его теперешнее жилье походило на скворечник.
Позади дома был разбит жалкий огород.

От высокого и неравномерного плетня
на грядки с чесноком
падали сквозные тени.
По утрам полосатые дети молча щипали сорную траву.
Поймав кузнечика, разглядывали его на свет
и, бросив жребий, съедали.
Ночи были особенно холодны.
Звёзды, удивительно яркие, периодически мигали.
Детям казалось, что это оскаленные черепа,
внутри которых беспокойно горит огонь.
На свет луны, падавший в единственное оконце,
старались не наступать.
Луна висела огромная, ослепительная.
Степь от неё была голубоватая...

КУКОЛКИ-БАЛЕТНИЦЫ

На остановке возле рынка
можно увидеть двух тёток.
Одна кружится посолонь,
а другая — обратно.

Разделённые улицей,
они танцуют так:
левую руку на живот как беременные,
а правую — над головой.

Прав был Аристотель,
написавший «Физику».
Бог занят исключительно
приведением в движение тел.

* * *

Рахмету Шоймарданову

Прежде пар,
а потом машина.
Из ворот выезжает фура.
Небо тускло,
летают птицы
над взлохмаченным стогом.

Мне вспоминается щуплый лирик,
сардоническая улыбка,
с которой он смотрел на вещи,
и город, слопавший его в итоге,
как печенюшку.

Конечно, — думаю я за чаем, —
люди ищут прибежища, катают
костяные шарики в ладони,
слушают проходимца Оле,
а своих героев в упор не видят,
обычное дело.

И в память о нём я иду по скверу,
где дети щёлкают орехи
и говорят друг другу нарочно:
«Ну ты огрёбся».
И смеются...

РОГ ЯКА

Чтоб вернуться в рог яка, которым стало младенчество,
надо купить билет на поезд по пятьсот рэ или —

на самолёт по две тысячи.

Если учитывать путь обратно, сумма увеличивается вдвое.

Но за те же деньги он может отправиться в Китай

и, воображая себя мандарином, бродить по берегу Жёлтого моря.

Жизнь его становится похожей на метель,

а сам он на монаха, что сердится на Миларепу,

который спрятался от непогоды в роге яка.

«Мне, — говорит он, — как-то до лампочки».

А хочет сказать: мёрзну.

Вокруг одни особи и себе подобные.

И имеют они между собой отношения

либо твёрдые, либо жалкие.

Он твёрд.

Сонм ехидных тестов из учебника психиатрии у него наготове.

Но какова метель!

— Чёрное — белое. Чёрное — белое. Что это?

— Монашка с горы покатилась!

Особи сигналият.

Себе подобные норвят перескочить дорогу.

Традиция Бон изображает Миларепу голым и тщедушным,

как феллах.

С капой недовольства во рту приходит он в мир.

У него всклокоченные волосы и горящие глаза.

Две особи посещают родину.

Ходят по горам, восторгаются.

Горы гнусные. Село нищее.

В другой раз привозят они себе подобного и учат восторгаться.

— Скажи: Авалокитешвара.

— Авалокитешвара!

Особи счастливы.

Себе подобный взрослеет, и рог яка становится ему мал.

Но сила привычки всё тянет на родину,

населённую даунами, окликающими друг дружку «А-у-е!».

Зима в этих краях неприветлива.

Она возит метлой по морде себе подобного,

а его тянет восторгаться.

Один пастор не верил в чистоту обособленной жизни.

И поскольку не мог жениться сразу на трёх

христианских добродетелях,

выбрал вторую.

Она, курва, сбежала.

Он опустился. Стал обжираться.

Что-то младенческое в нём проявилось.

Смеялся, наклонясь вперёд, так

что слёзы брызгали из глаз.

Пузо и щеки говорили о глубоком несчастье.

В его речи появились фигуры умолчания.

Толкуя самые отвлечённые места из Библии, он молчал о себе.

Люди перестали ходить на его проповеди.

Человека оскорбляет его подобие другим.

В лице, облечённом саном, такое подобие оскорбляет сугубо.

Живите, как хотите.

Живём.

ВАХТА

Съдаемый им хлеб
и молоко им выпиваемое.
Будь мысль моя сыта
углом таким.
Ведь каждый человек
есть маленький бурдюк.
Его поверхность —
мёртвый Котокель*.

«Нет, я не добр», —
сказал мне кришнаит,
отчаянно вгрызаясь
в белый хлеб.
Пять лет не кушать мяса,
десять — слушать:
«Ты, Шурка, шудра!»
Я бы озверел.

Но кто такой я?
Маленький болван
в окошке будки.
В направление смеха
легко мне думать:
«Выключат светильник —
и ну плясать
под лёгкий барабан —
о, Харе Рама...»

* Котокель — озеро в Бурятии.

И я не добр,
и ко мне приходят гости...
Я, Александр, верю в невесомость
вот этих незначительных мгновений:
под звон ключей ты ешь самозабвенно,
и я забыл
про самого себя.

* * *

Что мне сказать?
Ну ладно, —
или: — ну и вот?
В другой жизни.
Или: — в других мирах?
Слова врут,
и несчастливый живёт,
как все,
потому что — прах.

Потому что и он,
как маленький ручей,
впадает в море
больших невзгод
и уже по другой причине
не спит ночей,
пьёт успокоительное
и не поёт.

ОСЕНЬ ВЕЧНАЯ ТИХИХ ЛЮДЕЙ

Об одном сумасшедшем художнике хочу написать.
Он тощенький, с впалой грудью,
зубы лопаточкой вперёд, как у кролика,
взгляд мечтательный,
бежит он по улице, размахивая сумкой,
истории ему мерещатся,
а дома всё нехорошо, выселяют уже,
за коммуналку астрономические долги,
но кто ещё в этом городе может сравниться с беднягой
силой мечтаний?
Его рассказы дребезжат от мечт,
он едет в трамвае — мечтает,
ест суп — мечтает,
лекцию читает — а он читает, читает курс маркетинга! — мечтает.
Предмет мечты всегда одет в костюм-юбочку
или в чёрное платье с завязочками,
покрой одежды предмета мечтаний
всегда-всегда из веков средних.
Сидит он, предмет, сложивши ножки, на трубе индустриальной,
и волоса у предмета распушены по плечам.
Или ещё в парке среди листов облетающих
идёт он к предмету, придумывая стих:
«И костюм её серый короткий,
и на юбке разрез — боже мой!»
Скорей-скорей! Убить Соню! Оторвать ей голову!
Зачем она
не носит брюк!

ШАПКА

Всё белым-бело от снега,
только чернеет и парит
люк канализации.
Деревья в саду пахнут апельсинами,
синие сумерки расцвечены
маленькими лампочками.
Бомж Нима приподнимает крышку люка,
выглядывает на свет.
Одежда на нём дымится,
он гладит себя по волосам,
на лице застыла гримаса ужаса.
Вот и Новый год.

Где-то бомбочки взрываются,
но пушист так снег и соединения его ещё так новы,
что по снегу ходить страшно.
Тук-тук — стучит кровь в голове.
«Шапку, — думает Нима, — шапке».

Контора погружена во тьму,
в окнах отражаются огни машин.
Над входом горят электрические ёлочки:
справа — зелёная,
слева — красная.
Нима подходит к парадным дверям,
долго топчется,
не решаясь нажать на кнопочку звонка.
Облако пара поднимается над ним.

Сторожей в конторе двое:
один добрый, другой — злой.
Добрый обычно подает Ниме что-нибудь из еды,
иногда пускает его погреться.
Злой испуганно смотрит на Ниму сквозь стекло
и ничего не подает.
У него всегда сумерки.
Добрый любит иллюминацию.
Ёлочки у доброго горят всю ночь.

Сегодня дежурит добрый.
Он открывает дверь Ниме,
но тот не заходит,
боясь наследить и напустить холоду,
а только мелко-мелко кланяется,
извиняясь за беспокойство.
«Что тебе?» — спрашивает добрый.
«Шапке», — отвечает Нима.
Добрый приносит ему вязаный колпак,
сухую рыбу и соль.
«Ура!» — кротко восклицает Нима
и бежит к себе в нору,
прижав к груди дары.
Скрипит снег...

ЛЮБОВЬ

С криком «Георг! Георг!»
полезла через забор.
Упала в сад, разбила губу, встала.
Пошла как пьяная.
Вцепилась в Георга.
Лицо как большая личинка.
Щёлки глаз.

«Что делать? —
подумал Георг, —
Позор-то какой!»
Он вёл бесноватую,
держа под локти.
Она упиралась,
звала на помощь —
волосы спугались,
прилипли к щекам...

Подошли к дому.
Недоумок сосед
долго не открывал, и Георгу
пришлось стучать в калитку ногой.
Взвыла и забилась под крыльцо собака.
Наконец сосед вышел,
невозмутим, как всегда.
Корытообразен.

— Чего ты не смотришь за ней! — сказал Георг, —
Вызови хоть врача!

— Вызывали, —
отвечал безразлично сосед, — да бесполезно,
тебя хочет.

— Скотина, — рассердился было Георг,
но глядя на голые стены, кровати,
передумал сердиться.

— Слушай, не ори! —
сказал он больной, —
Сейчас позвоню в больницу.
Придёт медсестра, поставит тебе укол,
а пока постарайся поспать немного.

— Я сдохнуть хочу, — сказала она,
цепляясь за него что было силы, —
сдох-нуть!
Дай мне фенобарбитал!

— Найди ей таблетку, идиот! —
— *Тебя хочет!*

— Да она пьяна! — догадался он наконец.
— Ах, ТАК да? Получай, с-с-сука! —
и с наслаждением двинул ей между глаз.
Она хрюкнула и затихла,
закрыв лицо ладонями.

— Вот это да! —
сказал изумлённый отец, —
Вот это да...

КОРОБКИН

Алексею Анготкину

Пляшут туземки-доярки (стыдно как),
при Леониде одетые кто во что.
Маленький Коробкин краснеет,
в руках его открытка —
красота неземная жиголо Делон.

«Коробкин, Коробкин,
надев ведро на голову,
от русских убежал».
Это я-то, печкой надышась угарной,
«лира-волопас» — жужжал.

Читал, мороза не замечая:
«Техника молодежи», «Химия — жизнь»,
а помню, три года мне,
и первый комикс —
жизнь нейтрино в комнатах пустых!

Моё ведро — не леонардовы картинки.
Век Леонида я изживал
черно-белой графикой точной науки:
НТР, НИИ, пи эр инфернал.

А сняли свои посуды мы одновременно,
я и Коробкин — он урод и я.

Ну пусть мы такие корнеплоды,
пусть наша форма зоо была,
но чувства-то мы имели из книжек
и к ним простирали свои вымышленные тела.

Пусть неродовитые плодовиты —
зато теперь, когда отмелькал,
я выход ищу своему бессилью
не там, где ты его искал, —
не в маленьком и злом патриотизме,
выжатом из личности, скажем, одной,
не в этих столбушках кембрийской эпохи —
гогах и магогах земли родной,
а в чём-то попутном добром, как ветер,
дующий из Читы,
как строчечка Анищенки-поэта
«и коробки... как дети чисты».

И тени твоей, выводящей по клеткам
Алена портрет,
я говорю: «Будь, Коробочка, светел
раз тебя уже нет».

ГРОЗА В ЭРХИРИКЕ

Переждавши бурю
в домике охотника за тарбаганами
среди распятых шкурок
и волн вонючего табачного дыма
(хозяин домика — немногословный мужичонка бурят
с застывшей на лице горестной улыбкой),
я вышел сквозь занавеску воды на улицу,
а там заканчивался дождь. Прояснило.
Тучи ушли на юг.
Маленький ручеек, бежавший у подножий хребта,
превратился в бурный поток
и теперь с оглушительным рёвом нёсся вниз в долину,
выплескиваясь на поворотах из русла.
Словно головы глиняных людей
показывались на мгновение из клокочущей воды
и снова исчезали.
Я шёл, заглядываясь на стихию.
Один раз споткнулся и упал в промоину,
оказавшуюся неожиданно глубокой и холодной.
Даже отдаляясь от воды, я слышал её глухой рёв.
Сель устремился на поле,
превратив оросительные каналы в полноводные реки.
Коровы переправлялись по ним вплавь,
телята носились по берегам и жалобно мычали.
Потоки обновлённого света падали с севера.
Тени в горах обрели давно забытую мной
глубину и таинственность,

леса покрылись золотисто-прощальным,
увлажнённо-свободным блеском.
Далеко на юге по ниточке шоссе
скользила машинка.
Я шёл по течению, пока не упёрся в могилки.
Вода в этом месте разлилась особенно широко
и подступила к самым железным оградкам,
грозя подмыть их основания.
Я сел на розоватый песок,
упиваясь запахом грозового воздуха и ая-ганги,
спиной к венкам и цветам,
тихо звеневшим на сквозном ветру.
«Бедные мои инвалиды, — пел ветер, —
чучела и куклы
из сказки про Изумрудный город,
солома и жёсть!
Мои хтонические боги,
не бросившие меня в посудной лавке века,
там, за всеми ненасытными пределами,
ждите меня весёлым!»

Двор так беден, что редкие дни
его освещает ворованный свет.
Кто-нибудь из детей
сидит на дереве,
карауля машину РАО ЕЭС,
и когда в облачке пыли
 машина показывается,
трубит в кулачок «ту-ру-ру».
Флегматичный отец семейства
отцепляет удочкой
 поочерёдно два провода —
жизнь во дворе замирает.

Машина недоверчиво объезжает двор,
многочисленные дети, навалясь на подоконники,
блестят глазёнками в грязных окнах.
Электрики с мотками проволоки за плечами
проплывают перед ними
словно жрецы дома Чубайса
в рыжем дыму пламенеющего солнца.

О РАО! О ЕЭС!..

ГЕКЕЛЬБЕРРИ ФИНН

И всем бы селом
за телятами побежали,
а те с коровами
в горы бы подались.
И быки бы закричали хором: «Не хотим
возвращаться в осенние дворы,
потому что пахнет осень забоем,
кровью пахнет и безумием людей!»

Кто же он — новый житель нового мира,
зародившегося на камешках, как ручей?
Красное уголков кумача шейных платочков,
понятий «свой-чужой», «наш-ваш».
«А ты плохо сделал, что тогда свалил, подросток ...»
А всем бы селом побежать,
всем-всем!

* * *

И у стада, и у реки обычай один:
соблюдать течение, камнями шуршать.
Что тут скажешь? До старческих седин
ходить за скотом, ветру подпевать,
рта не размыкая, спины не разгибать.
Только в этой доле я вижу смысл.
Утро похоже на чашку молока.
Дети при встрече волнуются: «Пока, пока!
Мимо, мимо иди, молчаливый пастух».

Голоса

2011–2013

* * *

Когда за окнами темнеет,
и снег повалил ещё гуще,
и складки бегут по шторе,
словно воздух одними губами
шелестит, что он-то есть.
И всегда будет, и всегда свежим,
и будь мы устроены не так сложно,
будь мы просто полрой трубкой,
мыслящим тростником,
и мы смогли б.
Но тело сильнее нас. Лаокоон —
вот оно что такое. Гибель
несущее, разум иссушающее, чувства
притупляющее зло.
И нет у нас родины,
кроме тела.
Так словно муха, попавшая в чайник,
зудит душа.

ГОЛОСА

«Восемьдесят мешков копают,
тридцать, может быть, съедают,
а пятьдесят продают».

«Я сходила купила сердце,
разделила его на четыре части,
значит, четыре дня
буду его готовить.

Муж ругается:

— Все деньги тратишь на жратву,
а я болею!

— А ты не жри!»

ИМЕНА

*По материалам сборника
«Это наша эпоха»*

Собрались как-то
поэты южного Байкала
на очередную сходку,
посидели, поговорили,
стихи почитали,
и так вот им захотелось
ещё одного ребёнка сделать,
рукописного.
Предыдущий-то сборник
«То муза сибирских просторов»
по рукам разошёлся,
добрые мнения собрал.
Неужели оскудели мы талантом?
Неужели больше ничего не напишем?

И сказал тогда
Василий Константинович Забелло:
«А что? Напишем.
Мы не кукушкины дети!»
И написала Нэлличка Тихонова
с целлюлозного завода
про «город душный, шубутной и пыльный».
И написал Виктор Германович Смолин,
который рано начал трудовую жизнь:
«Предметы на столе ещё едва видны».

И написала Рената Яковец из Слюдянки
про свою бабушку Наталию и маму:
«Как далеки могилы их
в просторах неизмеренных».

И написал Виктор Москальчук из Байкальска
про какой-то двор:
«Здесь дед живёт с соседом-дурогоном,
который всё прошёл: и Крым, и Рим».

И написала Валентина Козликина
53-го года рождения из села Михеево:
«Поставь свой треножник,
свободный художник».

И написал Смолин Пётр,
который «на свободе работал фотографом»:
«Не крадясь, чтоб людей не пугать,
подошёл я к калитке ограды».

И написал Селиванов Владимир Степанович,
родился в Томской области 17 июня 1940 года,
свой сон:
«Вдруг откуда-то лев появился,
осмотрелся, рванулся за мной —
я от зверя бежать припустился,
только пятки шуршат за спиной».

И совсем душевное написала стихотворение
Кочергина Валентина Ивановна, живёт в Выдрино,
окончила среднюю школу и курсы поваров.
«Проводник принёс мне чаю,
спать спокойно пожелал,
об одном теперь мечтаю,
чтобы меня внук встречал».

И Ольга Яковлева написала:
«Только животные могут так —
прижаться в траве и молча лежать».
И Ольга Смолина,
учительница Выдринской школы,
и Иван Геймур из Култука,
и Виктор Чижиков из посёлка Селенгинск,
и Папиряк Михаил Степанович,
автор книги «Они сено не косили»,
тоже написали хорошие стихи.
Но особенно отличилась
Долбунова Тамара Григорьевна,
бывшая рабочая дрожжевого цеха,
1946 года рождения.
Она написала про поэта Панкина Владислава:
«Ушёл поэт. Он в меру пил.
Писал, работал и любил...»

* * *

Всё меньше верю,
 что по смерти
нам будет другая жизнь.
Я лёг на край горы,
 и ветер меня освистал.
Птенец покачивался на ветке.
Его бусинки глаз.
Старое дерево пропускало воздух,
было светло...

МОНГОЛИЯ

1

Во дворце Богдо-гэгэна, набитом стариной,
смотрел на модель рая Деважин из дерева сумэ,
похожего на тёмную бронзу.
Рай — тот же павильон:
двери створчатые, изогнутая кровля.
Я бы сказал, шифоньер или сервант.
Недалеко от дворца на берегу реки Толы у Зайсана
стоят современные дома-пеналы,
построенные корейцами, шириной в одну квартиру,
которые солнце просвечивает насквозь.
М. говорит, что всегда мечтала в таком жить.
А я тоже подумал, что рай для меня — это дом-шифоньер.

2

На пятом этаже большого магазина Номин
в книжном отделе
увидел — Жеймс Жойс. «Дублинчууд».
Полистал, нашел любимые «Землю» (Шороо)
и «Личины» (Хурамч дуур).
В «Хурамч дуур» мальчик,
за которым гонится разъярённый отец,
кричит «ава, ава!» и обещает помолиться Цаган Дара эхэ
(я помолюсь за тебя... я Святую деву попрошу).

Ходил в Гандан посмотреть на золотого Майтрейю.
Он стоит, раскинув руки,
упираясь головой в высокий,
потемневший от времени потолок.

Шёлковые штандарты с двух сторон
похожи на гигантских рыбин,
которые словно дышат жабрами,
когда сквозняк раздувает оборки...

ЗАЙСАН

Горы...

лысые, каменистые, освещённые простым осенним светом,
усыпляемые облачным театром теней, вспыхивающие, гаснущие,
как лампы новейших арт-коллекций, и безмолвные.

Стоим на Зайсане — колечко каменное, подаренное Россией.

Внутри ободок расписан картинами братания —

русский в будёновке, монгол в дэлике...

Сверху вид прекрасный на Улан-Батор...

а где-где оно, откуда мы приехали? Воон там север, там Улановка,
там портал наш «Красные ворота».

Внутри кольца продают сувениры, можно пометать дротики
в композиции из воздушных шаров, но желающих нет.

Продавец скучает. Мы подходим к краю горы. Высоко.

На камнях устроились влюблённые парочки.

По крутым сопкам карабкаются дома-тумбочки.

Целая пасека, словно мысль архитектурная
родилась у пчелы, а не у человека.

А вот душа Зайсана — бездомная.

Живёт тем, что оставляют туристы.

Сейчас это курица, которую она смачно ест.

Трико, кофта, босоножки на толстой подошве.

Короткие чёрные волосы. Горб.

Умные внимательные всезнающие глаза.

Она — хозяйка.

Мы — гости...

ПРАЗДНИК НОМИН

Взятый в осаду
войлочным войском юрт
шумит Улан-Батор.
Праздник Номин.
Играет музыка громко.
Фрики монгольские
в ярких париках
фотают друг друга.
Дворники в жёлтых накидках
громыхают тележками
от урны к урне.
В городе весело,
а за городом пустынно.
Солнце садится.
Невозмутимый ветер
уносит к облакам
целлофан...

СОДЕРЖАНИЕ

Третья ферма 1994—2005

«Доят коров и поют...»	4
«Сплю — в небе братья Люмьер...»	5
«Корова запуталась в проволоке, исхудала...»	6
«Бригадир Володя, чавгашка Коля...»	7
«Между библиофикой и школой...»	8
«С Галею ль Дрель Оппенгеймер придумал май...»	9
«Роман о Роме, как некогда — о розе...»	10
«Лето — на хворостины сели...»	11
Из «Алтан Тобчи»	12
«Почему-то под вечер в поле зрения...»	14

В стране Lego 2006—2007

«Лёгкий и деревянный кот...»	16
Встреча	17
Мухин такая собачонка	18
«Город — выдумка землемера...»	19
«Мы пришли к поэту в гости...»	20
«Лампадки малиновые. Пение...»	22
«Златоустые звезды над сопками Маньчжурии...»	23
Концерт	24
Лягушка	26

Рог яка 2008—2010

«Некту снится друг и дом друга...»	28
Алтан-Булаг	30
Куколки-балетницы	32
«Прежде пар, а потом машина...»	33

Рог яка	34
Вахта	36
«Что мне сказать...»	38
Осень вечная тихих людей	39
Шапка	40
Любовь	42
Коробкин	44
Гроза в Эрхирике	46
«Двор так беден, что редкие дни...»	48
Гекельберри Финн	49
«И у стада, и у реки обычай один...»	50

Голоса

2011—2013

«Когда за окнами темнеет...»	52
Голоса	53
Имена	54
«Всё меньше верю, что по смерти...»	57
Монголия	58
Зайсан	60
Праздник Номин	61

Литературно-художественное издание

АЮШЕЕВ Булат Лубсанович

ЛЁГКИЙ И ДЕРЕВЯННЫЙ КОТ

Печатается в авторской редакции

Художник Б.Л. Аюшеев

Подписано в печать 18.08.2014 г.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Georgia. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,6. Тираж 1000 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»

Отпечатано в ОАО «Республиканская типография» РБ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13